

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Джером Кланна
ДЖЕРОМ

*Трое в лодке,
не считая собаки*

Москва

2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Джером, Клапка Джером.
Д40 Трое в лодке, не считая собаки : [перевод с английского] / Джером Клапка Джером. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-699-96789-6

Впервые «Трое в лодке, не считая собаки» были опубликованы в Англии в 1889 году. Джером написал уморительно смешную историю трех друзей, от скуки и вымышленных болезней сплавляющихся по Темзе, под впечатлением от собственного свадебного путешествия, проведенного на небольшой лодке. В то время «в моде» были нереалистичные персонажи Конан Дойла, Киплинга и Стивенсона, а обыкновенные и в чем-то даже заурядные друзья Джи, Джордж и Гаррис стали для английских читателей настоящими героями.

Успех был оглушительным. На сегодняшний день книгу не только перевели почти на все мировые языки — ее неоднократно экранизировали, адаптировали для сцены, телевидения и радио. В русской киноверсии героев Джерома блистательно воплотили Андрей Миронов, Александр Ширвиндт и Михаил Державин.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

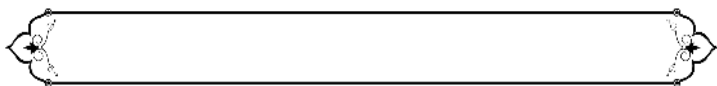
ISBN 978-5-699-96789-6

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Трое в лодке,
не считая собаки*

ГЛАВА I

*Трое больных. — Жертва ста семи
болезней. — Мы страдаем переутомлением. —
Неприятности морской прогулки. — Джордж
предлагает отправиться на Темзу. —
Монморанси протестует. — Дело решено
большинством трех.*

Гаррис, Джордж, я и пес Монморанси сидели после обеда в нашей общей лондонской квартире. Монморанси отдыхал на ковре, а мы — джентльмены — курили и вели разговор на очень грустную тему: мы рассуждали о нашей негодности с медицинской точки зрения.

Самочувствие у всех было очень скверное и положительно угнетало нас. Гаррис и Джордж жаловались на головокружение; оно бывало у обоих в такой сильной степени, что они не отвечали за поступки, содеянные во время припадков. Я же был убежден, что у меня печень не в порядке: я только что прочел рекламу о пилюлях, в которой были перечислены все симптомы страданий печени, и все они были у меня налицо.

Это замечательно: никогда еще я не прочел ни одного медицинского объявления без того, чтобы

не убедиться, что я в сильнейшей степени одержим именно той болезнью, о которой идет речь.

Помню, раз я отправился в библиотеку Британского музея с целью вычитать что-нибудь о нездоровье, которое тогда испытывал и считал чем-то вроде лихорадки. Раздобыв медицинский лексикон и найдя в нем, что мне было нужно, я стал машинально перелистывать страницы и беспечно принялся изучать болезни вообще. Первым, на что я напал, оказался какой-то ужасный смертный недуг; но прежде чем прочесть весь список его симптомов, я увидел, что он, несомненно, гнездится во мне самом. Мороз прошел у меня по коже, и в безнадежной тоске перевернул я еще несколько страниц. При описании тифа открылось, что у меня все его признаки, что я, безусловно, болен тифом, и болен уже несколько месяцев, не подозревая этого.

Я удивился, стал читать дальше и нашел, что у меня с детства пляска св. Витта.

Заинтересовавшись своей судьбой, я решил исследовать это дело до конца и узнал следующее.

Скарлатина у меня только еще началась, и высыпание можно ожидать через две недели. Брайтова болезнь не развилась еще в сильной степени, и при настоящем ее виде я могу прожить еще много лет.

Зато холера оказалась с опасными осложнениями, а с дифтеритом я, очевидно, родился.

Я уныло перечел весь лексикон от первой до последней буквы, и оказалось, что у меня нет только женских болезней.

В первую минуту я был поражен этим открытием: почему бы у меня не быть женским болезням? Но, поразмыслив, решил, что и остальных достаточно.

Последняя болезнь в словаре была *ячмень*, который, по всем приметам, не сходил у меня с глаза последние три года; и так как более никаких болезней описано не было, то оказывалось, что в остальном я совершенно здоров.

Я сидел и раздумывал, какой интерес представлял я для докторов! Очевидно, я был бы приобретением в клинике: студенты могли бы не бродить из палаты в палату, а, изучив меня одного, получали бы свои дипломы об окончании курса.

Потом я стал обсуждать, долго ли мне осталось жить. Я взялся за пульс и сначала решительно ничего не чувствовал; но через некоторое время он забился так скоро, что я едва успевал считать: 147 ударов в минуту!

Надо было исследовать сердце... я прислушался... не было слышно ни одного удара. Собственно говоря, я не могу утверждать, что в ту минуту в моей груди вовсе не было сердца; впоследствии мне много раз приходилось убеждаться, что оно у меня есть; но тогда, сколько я ни ощупывал свою талию и грудь, сколько ни нагибался во все стороны — все-таки не расслышал ни одного биения. Оставалось осмотреть язык; высунув его до последней возможности, я убедился более чем когда-либо, что у меня *скарлатина*.

Войдя в библиотеку счастливым, здоровым человеком, я вышел из нее расслабленным преждевременным стариком. Я направился прямо к товарищу доктору. Прежде он обыкновенно весело болтал о погоде, когда я приходил к нему за советом, и никогда не хотел верить, что я болен. Но теперь я шел к нему с глубоким убеждением, что доставлю ему практики более, чем сотня обыкновенных

пациентов, у которых не бывает больше чем по две каких-нибудь болезни.

— Что случилось? — встретил он меня. — Что с вами?

— Ах, друг мой, я не хочу тратить золотое время и рассказывать, что со мной. Жизнь коротка, и вы можете исчезнуть прежде, чем я кончу. Я вам лучше скажу, чем я не болен: я не болен женскими болезнями. Как это случилось, неизвестно; но факт налицо: у меня нет ни одной женской болезни. Все остальные у меня есть.

И я рассказал ему, как дошел до этого.

Он пристально посмотрел на меня, хлопнул меня по лбу, потом по плечу и сел молча писать рецепт.

Когда он кончил, я взял сложенную бумажку и, не читая, положил ее в карман. Выйдя на улицу, я грустно побрел в ближайшую аптеку и протянул рецепт провизору. Тот прочел и с улыбкой возвратил его мне, говоря, что они этого не держат.

— Да разве вы не аптекарь? — спросил я.

— Конечно, аптекарь, — отвечал он. — Вот если бы я содержал гостиницу с рестораном, тогда другое дело.

Я прочел рецепт, и вот что в нем было написано:

1 ф. бифитекса и

1 б. портеру

каждые 6 часов.

15 верст прогулки по утру, ложиться спать в 11 ч. вечера и не забивать голову вещами, которых не понимаете.

Я должен признаться, что исполнение этих предписаний дало блестящие результаты и я до сих пор живу на свете.

Возвращаясь к объявлению о пилюлях, я должен сказать, что в данном случае самым резким признаком страданий печени было у меня нерасположение к какому-либо труду. Так выражалась у меня болезнь с самого детства. Но при низком уровне, на котором тогда стояла медицина, никто не подозревал причины моих страданий; и сколько я вытерпел тогда незаслуженных нагоняев, пинков и укоров в лености, одному богу известно.

Мы продолжали курить и рассказывать друг другу о своих болезнях. Я объяснял, как плохо чувствую себя по утрам, когда приходится вставать с постели, а Гаррис говорил, что с ним бывает что-то непонятное, когда нужно ложиться спать. Только Джорджу мы не особенно поверили, когда он, став на коврик у камина, сильно и талантливо изобразил нам в действиях свое состояние по ночам. Он, знаете ли, только воображает всегда, что болен.

В эту минуту постучалась к нам миссис Попетс, спрашивая, можно ли подавать ужин. Мы грустно улыбнулись друг другу и решили, что можно, пожалуй, проглотить немного пищи. Гаррис нашел даже, что совершенно пустой желудок только способствует развитию болезней.

Миссис Попетс внесла поднос, уставленный дымящимися кушаньями, и мы вяло принялись за еду.

Я думаю, что был очень слаб в то время, потому что через полчаса потерял уже всякий интерес к пище.

После ужина, набив заново трубки и наполнив стаканы вином, мы решили радикально обсудить вопрос о здоровье.

В чем именно заключались наши болезни — собственно говоря, трудно было объяснить; но по

тщательном обсуждении вопроса было единодушно признано, что все произошло от переутомления.

— Нам, безусловно, нужен отдых, — сказал Гаррис.

— И полная перемена, — прибавил Джордж. — Напряжение мыслительных способностей произвело упадок всей нервной системы. Перемена места и отсутствие обязательного мышления восстановят равновесие всего организма.

(У Джорджа есть двоюродный брат, студент-медик, так что у него, естественно, прорывается фамильное сходство в докторальном изложении мыслей.)

Я согласился с Джорджем и предложил удалиться в какой-нибудь тихий, запущенный уголок природы, подальше от суетной толпы, и провести там неделю-другую под лучами солнца, среди лугов и полузабытых развалин, куда не достигают бурные волны XIX столетия.

Но Гаррис нашел это бесполезным. Он знал такое место, о каком я говорил: там все ложились спать в 8 часов, и потом ни за какие коврижки немислимо было достать бутылку портеру.

— Нет, — прибавил он. — Для отдыха и перемены необходимо проехать по морю.

Но я решительно восстал против морской прогулки: она хороша для тех, кто отправляется в плавание на несколько месяцев, но на одну неделю — это чистое наказание.

Вы отправляетесь в понедельник с намерением вполне насладиться прогулкой. Вы посылаете воздушные поцелуи товарищам, которые остаются на берегу, зажигаете самую длинную трубку и начинаете шагать по палубе, как Христофор Колумб и капитан Кук, вместе взятые.

Во вторник вы жалеете, что поехали, и вспоминаете вашу уютную квартирку. В среду, четверг и пятницу вы жаждете смерти. В субботу вы в состоянии проглотить чашку чаю, сидеть на палубе и отвечать бледной улыбкой на вопросы сострадающей публики о вашем здоровье. В воскресенье вы на ногах и начинаете принимать человеческую пищу. А в понедельник, когда вы с зонтиком и саквояжем в руках готовитесь ступить на сухую землю, вам положительно начинает нравиться морская прогулка.

Помню, как моему зятю предписано было однажды прокатиться по морю для поправления здоровья. Он купил билет из Лондона в Ливерпуль и обратно и когда достиг Ливерпуля, то единственной его заботой было продать обратный билет.

С громадной уступкой билет ходил по рукам по всему городу и наконец был случайно продан за 18 пенсов желчному молодому человеку, который собирался на взморье для поправления здоровья воздухом и гимнастикой.

— Морская прогулка, — говорил мой зять, вручая ему билет, — о, это такая вещь, что вам жизни покажется мало! А физических упражнений у вас будет на корабле больше, чем если бы вы брали уроки гимнастики на суше.

Сам же он вернулся в Лондон по железной дороге, находя, что Северо-Западная линия достаточно полезна для его здоровья.

Другой мой товарищ отправился тоже на пароходе, который лавировал у берегов, и прежде еще, чем они снялись с якоря, к нему явился буфетчик с вопросом, будет ли он платить за каждое съеденное блюдо отдельно или же заплатит вперед за всю се-

рию обедов. Буфетчик советовал последнее, говоря, что это выходит гораздо дешевле — всего $2\frac{1}{2}$ фунта стерлингов за всю неделю.

К чаю будет подаваться рыба, к завтраку четыре блюда, к обеду — суп, рыба, жаркое, дичь, салат, сладкое, сыр и десерт и легкий ужин в 10 часов вечера.

Мой друг любил поесть и решил остановиться на $2\frac{1}{2}$ фунта стерлингов в неделю.

Завтрак был подан, лишь только вышли из гавани. Но он не чувствовал еще такого аппетита, как ожидал, и удовольствовался куском отварной говядины и клубникой со сливками. После завтрака он долго бродил из угла в угол, и — странное дело — ему начало казаться, что он всю жизнь не ел ничего, кроме отварной говядины и клубники со сливками!

В 6 часов пришли сказать, что обед подан; это не доставило моему другу особенного удовольствия, но он подумал, что $2\frac{1}{2}$ фунта стерлингов должны же быть заплачены не даром, и сошел в столовую.

Его встретил приятный запах горячей ветчины, лука и свежей рыбы у входа в каюту. Буфетчик подбежал к нему с умильной улыбкой:

— Что смею предложить вам, сэр?

— Выведите меня отсюда! — отвечал он едва слышно.

Его живо вытащили на палубу и поставили у борта.

Четыре следующих дня он жил безупречной и тихой жизнью, питаясь исключительно тоненькими бисквитами и содовой водой. Но в субботу принялся за чай с ломтиками хлеба, а в понедельник за куриный бульон.

Во вторник он сошел на берег и грустным взором провожал пароход, который уходил на всех парах с 2¹/₂ фунта стерлингов из его собственного кармана.

Ввиду всех этих воспоминаний я решительно отвергал морскую поездку — не из-за себя, конечно, а из-за боязни за Джорджа. Однако Джордж говорил, что он в себе уверен, но чтобы мы с Гаррисом и не помышляли о море, так как наверное заболеем.

— Для меня положительно тайна, — отвечал на это Гаррис, — каким образом люди умудряются заболеть морской болезнью? Я убежден, что это обман и делается всегда нарочно. Сам я, сколько ни пробовал, никак не мог дойти до такого состояния.

Замечательно, что я не встречал еще ни одного человека, который помнил бы, что с ним бывала морская болезнь; и куда деваются на суше тысячи людей, замученных ею в море, для меня положительно непонятно.

Неужели все поступают так же, как один молодой человек, которого я видел первый раз в Ярмуте?.. Судно только что вышло за южный мол, а он, перевесившись далеко за борт, находился уже в очень неприятном и опасном положении. Я подошел, чтобы оттащить его оттуда и помочь, сколько возможно.

— Эй, не высовывайтесь так далеко! Ведь вы можете свалиться за борт.

— О, черт возьми, там мне, наверное, было бы лучше! — простонал он в ответ.

Через три недели я встретил его в ресторане в Бате. Он восторженно рассказывал какому-то